

Си понадобилось некоторое время, чтобы вытащить себя из состояния трепета в груди.

Его заторможенный мозг собрался заново, установил языковые коды, и когда он наконец осознал, что именно сказал Линь Хуайшэн, всё случившееся показалось ему абсолютно безнадежным.

Но Си знал: он и без того безнадежен.

Похититель, преступник, злодей.

В этом мире он заслуживал суда и наказания, чтобы федеральные законы надели на него кандалы, а церковный Владыка ниспослал божественную кару.

В конце концов его тоже постигло наказание, но в той сладкой форме, на которую он даже не смел надеяться. Этот мужчина тут же с дерзкой уверенностью решил, что Владыка прислал ему маленького ягненка в знак одобрения всех его поступков.

А поскольку у ягненка были черты милосердной Богоматери, он ещё больше походил на тщательно отобранного чадом Божьим земного наместника. И раз так, следовало во всём слушаться ягненка, что бы тот ни приказал.

Поэтому Си без малейших колебаний ответил: «Хорошо».

Эта безрассудная преданность придала отношениям похитителя и стокгольмскому синдрому новое, великолепное звучание.

Правда, сначала Си должен был сказать:

— Я сначала отведу тебя в ванную.

Хотя ягненок сделал его мягче, оставшись в его сердце священной и прекрасной Девой Марией, мужчина-похититель всё равно оставался дерзким до безумия, надеясь вести ягненка за собой. А любовь делала этого злодея еще более изощрённым, наделяя неисчислимыми уловками и хитростями.

— Пока ты будешь мыться, я подожду снаружи и заодно обработаю раны.

Однако истинным желанием мужчины было лишь одно: вымыть ягненка так, чтобы от него исходил приятный аромат, стереть все следы беспорядка и уничтожить улики и пятна, оставленные им самим на чистейшем агнце.

Линь Хуайшэн был так послушен, а слова Си звучали до того искренне и разумно, что он тут же согласился, закивал головой и произнес: «Хорошо». А затем покорно поднял обе руки, ожидая, пока Си возьмет его и поведет за собой.

Они вошли в ванную. Помещение оказалось небольшим, обстановка и вещи — самыми простыми. Но поскольку это был незрячий ягненок, Си пришлось знакомить Линь Хуайшэна со всем по порядку, объясняя: это раковина, это унитаз, а это душевая кабина. Но и этого было мало.

Ведь ему предстояло еще сказать Линь Хуайшэну:

— Шампунь стоит у тебя с левой стороны, а гель для душа — с правой.

— Лейка душа здесь, я снял её, твоей руке достаточно просто протянуться вперед, чтобы взять её.

— Температура горячей воды тоже отрегулирована. С чувствовал, что у него бесконечно много слов, но чем больше он говорил, тем сильнее тревожился и нервничал. Он надеялся, что все эти баночки и скляночки в ванной смогут позаботиться о его маленьком барашке, но на деле он лишь подвергал ребёнка опасности — ведь любая из этих вещей могла причинить ему вред. А что потом? В С проснулось какое-то воодушевленное предвкушение: ему хотелось, чтобы Линь Хуайшэн сам заговорил и попросил его остаться.

Однако мысли молодого человека были совсем о другом. С чувствовал, что из-за него выбился из сил на этих нескольких квадратных метрах, в то время как сам маленький барашек обладал какой-то безмятежной, бесстрашной наивностью. Теперь С не выносил и малейшего расхождения в мыслях между ними. Если же таковое обнаруживалось, он докапывался до самой сути, стремясь выяснить, что именно отвлекает внимание другого.

Мужчина положил руку на плечо Линь Хуайшэна, слегка притягивая его к себе. В этом жесте сквозило стремление к обладанию, хотя в словах всё еще оставались маскировка и сдержанность. Он лишь спросил:

— О чём задумался? Что я только что сказал?

Он спрашивал маленького барашка, стучался в сердце маленького барашка.

Но теперь этот маленький барашек, страдавший стокгольмским синдромом, совсем его не боялся. Получая особую любовь, обретаешь привилегии — можно даже испытывать терпение партнера, переступая через его дозволенные границы. На вопрос С Линь Хуайшэн лишь молча протянул руку и коснулся флакона с гелем для душа справа.

С привычно нахмурился. Он не знал, хороши ли такие перемены или нет. Он жаждал большей близости с маленьким барашком, но в то же время ненавидел гадать на кофейной гуще. Он

боялся не угадать мысли барашка, ему всегда хотелось уметь читать каждое выражение лица и каждое движение Линь Хуайшэна. Он хотел, чтобы этот ребенок всегда находился под его защитой и всегда принадлежал только ему.

Линь Хуайшэн нажал на дозатор геля для душа, и капли средства упали ему на пальцы и в ладонь. Он потер их, и прозрачная эмульсия тут же превратилась в пену. Линь Хуайшэн опустил голову, принялся и тут же улыбнулся, повернувшись и протягивая обе руки с пеной к Си, словно преподнося сокровище.

Маленький барашек был переполнен радостью, поворачивался он размашисто, а плитка на полу ванной была неровной. Боясь, что тот упасть, Си обеими руками придерживал его за бока, из-за чего, когда Линь Хуайшэн так высоко поднял руки, пена попала и на переносицу с кончиком носа мужчины.

Аромат парфюма резко ворвался в носовые проходы, высокий нос мужчины дернулся, и он с трудом подавил чихание. Пока он был отвлечен, Си услышал, как Линь Хуайшэн говорит ему: Это запах господина, я почувствовал его, едва зайдя в ванную.

Маленький барашек не знал, насколько смертоносными были эти слова.

Адаптов Си кадыков дернулся. Он был отравлен и лишен голоса, не в силах сказать ни слова. Самый обычный запах смеси лимона и вербены, превращенный словами и улыбкой маленького барашка в яд, вливался в него через глаза, уши, нос и рот. Он лишил Линь Хуайшэна зрения, а Линь Хуайшэн лишил его дача речи — чувства и должны быть такими, с взаимными обмена, только тогда это честно. У Си даже промелькнула крошечная надежда, что он действительно станет немым. А в реальности он был лишь глупцом, не умеющим выразить свои чувства, который только и делал, что озирался по сторонам да говорил банальности, расходящиеся с собственным сердцем.

— М-м... я уже мылся раньше.

Что он вообще несёт?

Какая-то неведомая, чудесная магия заставляла его молоть эту чушь, и Си казался себе невероятно смешным. Но даже так, его маленький баранчик ничего не видел.

Маленький баранчик лишь с лёгкой улыбкой смотрел на него, но не замечал, что на самом деле Си тоже чувствует неловкость и растерянность, не видел, что ради него Си готов измениться до неузнаваемости. Прежде Си не понимал истинного смысла того, что драгоценный камень должен сиять, чтобы иметь ценность, и даже втайне радовался, что у него тоже есть свой самоцвет. Но в этот миг, глядя в незрячие глаза Линь Хуайшэна, он ощутил подлинное раскаяние.

Однако в какой именно момент он случайно уронил камень в дорожную пыль, этот преступник уже не помнил.

Си медленно оглаживал глазницы Линь Хуайшэна, касаясь их с нежностью, на какую только был способен, с предельной сдержанностью и самоконтролем, которые выдавала лишь лёгкая

дрожь. Но он молил Бога, чтобы в этот момент мальчишка оставался наивным и не догадался, что выбранный им похититель на самом деле вовсе не так суров и всемогущ.

Линь Хуайшэн запрокинул лицо, позволяя мужчине снова и снова прикасаться к нему. Ему нравилось, когда господин Си трогал область вокруг его глаз, и он верил, что господин Си выделяет именно его глаза.

Поэтому он неуклюже подыгрывал этой нежности:

— Господин, прикоснись ещё.

Кончики его длинных ресниц опустились, слегка задев подушечки пальцев Си — это была его игра. Си задержался здесь, но ему казалось, что его рук недостаточно, что они слишком грязные и он недостойн, поэтому его широкие ладони накрыли глаза Линь Хуайшэна.

— М? — издал удивлённый звук маленький баранчик.

Пусть Линь Хуайшэн уже ничего не видел, Си всё равно занимался самообманом, страшась, что тот прозреет и всё поймет. Вместо рук он пустил в ход губы, оставляя чистый, невинный поцелуй на прежнем месте.

Линь Хуайшэн умолк.

Кого тут можно было обмануть?

Тогда и Си замолк, пристально вглядываясь в Линь Хуайшэна, не упуская ни единого малейшего изменения выражения на лице маленького баранчика. Тот туман и сырость, что остались несколько часов назад после его рассеянного купания в ванной, теперь отдавались ядом в них обоих, словно отучая обоих говорить.

Как бы выглядел поцелуй двух немых?

Си помимо своей воли потянулся вперёд...

Линь Хуайшэн наконец всё понял. Его лицо залилось жаром или краской стыда? Это уже не имело значения. Куда больше привлекали внимание его пухлые губы, похожие на нераспустившийся бутон, которому нужно лишь, чтобы кто-то бережно раздвинул самые внешние лепестки, и он сможет зацвести.

И в тот момент, когда Си уже собирался сам раздвинуть эти лепестки для маленького баранчика, Линь Хуайшэн опередил его.

Он перехватил руку мужчины и перенёс пальцы, что прежде лежали под его глазами, прямо на свои губы. В конце концов, расстояние между их ртами сократилось до одного пальца Си. Си ощутил лёгкую влагу с губ маленького баранчика, которая едва заметно — от узоров на коже пальца — проникала прямо в сердце.

Си вполне мог отстраниться, чтобы по-настоящему сорвать этот цветок, но он целовал глаза этого ребёнка, а этот ребёнок целовал его руки — руки, которые он сам считал недостойными и грязными. Это походило на ритуал обмена, на ритуал взаимного признания. И Си вдруг передумал отпускать его руки.

Тем более что маленький баранчик тут же произнёс:

— ...Но не сюда же касаться.

В его голосе слышалась робость пополам с долей стыдливого гнева. И хотя говорил он очень тихо, Си чувствовал: сделай он ещё хоть шаг дальше, и маленький баранчик потеряет сознание от смущения.

Разумеется, задерживаться Си было нельзя, и Линь Хуайшэн выставил его вон. Си ни капельки не сердился, напротив — он уходил с тяжёлым сердцем, постоянно оглядываясь, демонстрируя свою преданность и готовность сделать для маленького баранчика абсолютно всё.

— Я боюсь, что ты упадёшь.

Линь Хуайшэн принялся толкать его, бодая, точно маленький барашек.

— Не нужно, господин, уходи!

Си в каком-то умопомрачении вылетел из ванной. Дверь захлопнулась прямо перед его носом, не оставив даже смутной тени. Уставившись на неё, Си наконец понял, почему в некоторых отелях так любят использовать матовое стекло.

Пока Линь Хуайшэн принимал ванну, Си хотел воплотить в жизнь свою недавнюю задумку, но, сидя на диване, он душой и мыслями был далеко и от раны, и от аптечки. Слова, которые он произнёс сам, он же сам и превратил в ложь. Мужчина сидел на диване, погружившись в оцепенение, мечтая о чём-то выходящем за рамки обыденной красоты. Но сколь бы прекрасны ни были эти фантазии, их всё равно не хватало, чтобы описать Линь Хуайшэна во всей его полноте. И тогда он ощутил мучительную жажду писать стихи, рисовать картины, превратиться в величайшего в мире поэта и гениального живописца — он должен был по своему увековечить в изваянии своего маленького баранчика и свои чувства к нему.

Мужчина думал, что у него есть целый век на огранку этого творения, но прошло едва ли мгновение, как Линь Хуайшэн вышел из ванной. Лёгкий щелчок двери, гулкое биение сердца... Си воображал, как Линь Хуайшэн упадёт, как не сможет сам одеться — словом, ему казалось, что придётся ворваться внутрь. Но на деле маленький баранчик был вполне способен позаботиться о себе сам, и потому Си вдруг понял: ожидая здесь Линь Хуайшэна, проверку на прочность проходил он сам.

Си поправил на Линь Хуайшэне чуть сбившийся воротник, а затем невнятно бросил:

— Я тоже пойду помоюсь.

Уж от этого мужчины хлопок двери прозвучал оглушительно громко. Линь Хуайшэн невозмутимо сидел на диване. Он перебирал бинты и лекарства в аптечке и, убедившись, что ничего не пропало и количество осталось прежним, понял, что победа у него в кармане.

Юноша улыбнулся.

.....

Ворвавшись в ватную, Арнольд почувствовал себя еще более неуверенно.

Густой аромат геля для душа, ставший еще насыщеннее, чем прежде, заполнял всё закрытое пространство. Арнольд вспомнил слова Линь Хуайшэна о том, что это его собственный запах. Получается, у маленького барашка, воспользовавшегося тем же гелем, теперь тоже появился

его аромат?

На этот раз мужчина выдавливал гель для душа грубо и торопливо.

Большая лужа прозрачного геля стекала с его ладони, а холодная вода из душа брызгала прямо на рану на его плече. Из-за будоражащих воображение фантазий и боли каждая мышца в теле этого мужчины, напротив, начала исподволь гореть.

Клубящийся горячий пар постепенно рассеивался, а капли воды, наоборот, оседали на кафельных стенах.

Арнольд протянул тот самый палец, который легко поцеловал Линь Хуайшэн, и провел первую черту на кафельной стене.

Затем он вспомнил: это был рост того человека.

Душ был закреплен на стене, струи воды поливали лицо мужчины наотмашь, и его резкие, свирепые черты лица постепенно оживали, напоминая волка, готового заживо сожрать человека.

Бесконечные капли воды, следы, проведенные один за другим сверху вниз.

Рост маленького барашка.

Его брови,

его глаз,

его губы,

его грудь,

его бедра...

В своем воображении Арнольд создал живого, сошедшего наяву Линь Хуайшэна, а затем вправил его в собственные кости и плоть.

.....

Арнольд мылся довольно долго.

Удар ножом, нанесенный Арнольдом в плечо самому себе, остался без обработки, поэтому, закончив мыться, Арнольд вышел с обнаженным торсом.

Линь Хуайшэн свернувшись калачиком сидел на диване и не шевелился — невозможно было понять, не уснул ли он от усталости. Арнольд шагнул к нему, ступая мягко, и заметил, что макушка у того всё еще влажная, а полотенце для волос так и лежало на его плече.

Голос Арнольда звучал непривычно мягко, он протянул руку, чтобы поймать каплю воды, сорвавшуюся с кончиков волос барашка.

— Ты уснул?

Маленький барашек всё так же не шевелился.

Но спустя мгновение он покачал головой в ответ, и влажные пряди заскользили туда-сюда по ладони Арнольда. Таким игривым способом барашек дал понять, что на самом деле он еще не спит.

Арнольд невольно улыбнулся. Он сел рядом с Линь Хуайшэном, не став расспрашивать, почему тот сидел именно так, и просто наслаждался близостью, которую едва не потерял. Напротив, Линь Хуайшэн сам заговорил первым.

— Почему мистер так долго мылся?

Он тронул локтем руку сидевшего рядом мужчины, словно не мог расстаться с ним ни на секунду, а затем обнаружил, что Арнольд без одежды. Линь Хуайшэн не догадывался, что на самом деле Арнольд только что принимал холодный душ, ведь кожа этого мужчины рядом с ним была такой обжигающе горячей. Если бы Линь Хуайшэн знал об этом, он удивился бы еще сильнее: как можно принимать холодный душ так долго? Но он не знал, поэтому маленький барашек лишь поджал губы и спустя мгновение выдавил из себя еще одну фразу:

— ...Почему ты до сих пор не оделся.

Арнольд подумал о том, что маленький барашек — молодой человек азиатского происхождения. Ныне во всем мире уже давно царила система Федерации, а понятие «государства» давным-давно стерло рекой времени, но культура по-прежнему укоренена в родной почве и возвращает самых разных людей. В глазах маленького барашка это было чем-то непривычным и невозможным.

Арнольд произнес:

— Я хочу извиниться перед тобой.

Линь Хуайшэн не сразу сообразил:

— ...За что?

Арнольд прямо сказал:

— Я солгал тебе. — Он взял руку Линь Хуайшэна и заставил его коснуться ужасной, не получившей должной обработки раны на плече. Однако этот мужчина был настолько силен, что мог стерпеть боль без единого изменения на лице, лишь бы заслужить ласку чужих пальцев.

— Я до сих пор не обработал рану.

Изначально Линь Хуайшэн ничего об этом не знал. Услышав такое, он испугался и попытался отдернуть руку, страшась, что даже его мимолетное прикосновение усилит боль Арнольда. Но Арнольд не позволил ему отнять руку. Линь Хуайшэн не смог вырваться, и мужчина крепко держал его выше запястья, там, где не было повреждений.

Арнольд разглядывал повязку на запястье Линь Хуайшэна, края которой были влажными от воды. Пока маленький барашек мылся, этого было не избежать, тут ничего не поделаешь. Но, к счастью, рана не кровоточила.

Линь Хуайшэн не знал, что, пока Арнольд смотрел на него, его взгляд снова опустился на самого юношу. Линь Хуайшэн воспринимал окружающий мир исключительно со слов других

людей, и когда Арнольд молчал, он чувствовал себя неуютно и потерянно. Маленькому барашку оставалось лишь заговорить первым в надежде завязать хоть какой-то разговор.

— Почему же ты ее не обработал?

Это было его искреннее недоумение.

Неужели рана слишком глубокая? Или она находится там, где ее неудобно обрабатывать? Линь Хуайшэн заметно встревожился. Но он ничем не мог помочь. В тот самый момент, когда маленький барашек погрузился в пучину угрызений совести, Арнольд оборвал все его самообвинения.

— Точно так же, как ты ждал меня, — Арнольд опустил голову и поцеловал пальцы Линь Хуайшэна точно так же, как целовал их раньше, — я ждал тебя.

Ждал так долго, что забыл обо всем на свете.

Поймет ли маленький барашек эту недосказанную фразу?

Два мужчины прижались друг к другу на небольшом диване; у них были одинаково влажные волосы, одинаковая температура тел и одинаково утраченный разум.

Арнольд пламенеющим взглядом смотрел на чистого, ни в чем не повинного Линь Хуайшэна. Маленький барашек был одет в его рубашку, манжеты и воротник казались слишком широкими, обнажая шрамы, сияющую белизну кожи и образ ребенка, который прошел через тяжелые испытания, но сохранил искреннюю и чистую душу. Арнольду хотелось руками и поцелуями поклоняться ему, превозносить его и каяться, заслоня собой каждый шрам на руках Линь Хуайшэна — те самые изъязнения, которые оставил его собственный жестокий и дикий нрав. И еще более чарующим было то, что маленький барашек отвечал ему взаимностью. На лице этого ребенка отражалось выражение растерянности и одержимости, словно потерявшийся ягненок ждал, когда его спасут. Арнольд смело мерил партнера по себе: возможно, в душе Линь Хуайшэна тоже таилось одиночество, и он жаждал, чтобы кто-то восполнил его и стал его второй половиной.

— Маленький барашек...

Поддавшись непреодолимому порыву, Арнольд с трепетом произнес пришедшее на ум ласковое прозвище Линь Хуайшэна.

Линь Хуайшэн мотнул глазками:

— Мистер говорит обо мне?

Арнольд ответил, что да.

Линь Хуайшэн не стал допытываться у Арнольда о причинах, а немного подумав, спросил:

— А кто тогда мистер? Только так мы с маленьким барашком будем подходить друг другу.

Арнольд подумал лишь о хищном охотнике или диком звере — банально, но вполне соответствовало тем ролям, которые они играли в самом начале их отношений. Однако ответ, который тут же дал Линь Хуайшэн, разрушил все представления мужчины.

Маленький барашек весело и беззаботно улыбнулся.

— Мне кажется, мистер — это собака.

Он прижался к Арнольду, делясь своими сокровенными мыслями, и даже ткнул пальцем в руку мужчины, намеренно или случайно задев рану Арнольда.

С восхищением в голосе он сказал Арнольду:

— Пастушья собака защищает овец и указывает им путь, поэтому я люблю собак.

Линь Хуайшэн с невероятной легкостью принял заданную Арнольдом роль и даже наоборот, украсил и облагородил эти отношения. Какие бы абсурдные или дерзкие слова он ни произносил, в его собственном мирке Арнольд само собой разумеяще был его компаньоном. И потому рана, в которую он только что ткнул пальцем, превратилась в медаль защитника.

И Арнольд подумал: раз так, значит, он действительно должен быть собакой.

Псом, выродившимся из волка, но беззаветно преданным.

Процесс вырождения был болезненным, но маленький барашек раз за разом дарил ему успокаивающее лекарство, приносящее радость.

— А я больше люблю мистера.

Пальцы Линь Хуайшэна ползали и шарили по коже Арнольда, отыскивая ту самую истерзанную землями боли область, а затем бережно ухаживали за ней, по-детски склонив голову и тихонько на нее подув, словно от этого боль могла исчезнуть бесследно. Его смущение и непоколебимая уверенность в собственной правоте переплетались воедино, превращаясь в нечто настолько очаровательное, что, пожалуй, он и сам не подозревал об этом. Душа Арнольда бесчисленное количество раз трепетала перед этим маленьким барашком и столько же раз обретала рядом с ним покой.

Линь Хуайшэн поднял голову и посмотрел на мужчину глазами эдемского змея, скрывающего раздвоенный язык, в поисках одобрения.

— Ведь у мистера есть только один маленький барашек. Верно?

Арнольд подтвердил его слова, поцеловал эти несовершенные глаза и одновременно проглотил запретный плод.

— У меня есть только ты.

Арнольд был настолько счастлив, что чуть было снова не забыл обработать рану. После стольких часов ожидания даже такой крепкий и выносливый мужчина, как он, не мог не выдать признаки усталости. В конце концов рану все-таки обработали: Арнольд сделал это сам, а Линь Хуайшэн просто «смотрел» со стороны.

Наступила глубокая ночь. Линь Хуайшэн зевнул, в уголки его глаз набежали слезинки — в этот момент его глаза выглядели красивее всего, словно кто-то искусно расставил на них сияющие блики. Арнольд не удержался и снова принялся целовать его, капля за каплей сцелуя влажные дорожки.

— Ложись спать.

Линь Хуайшэн смотрел на него и молчал.

Тогда Арнольд добавил:

— Я тоже лягу.

— Но кровать всего одна.

Дрянной мужчина нарочно бросил эту фразу. Ему хотелось увидеть реакцию Линь Хуайшэна, поэтому в его словах сквозил чистый умысел.

И действительно, на лице Линь Хуайшэна появилось смущенное и растерянное выражение. Для этого маленького барашка, казалось, любого дуновения ветра было достаточно, чтобы посеять в душе тревогу, заставляя Арнольда гадать, какое же прошлое сформировало столь противоречивого и чарующего Линь Хуайшэна.

Линь Хуайшэн хотел спать на постели: последние несколько дней он толком не выспался, а недолгий отдых на кровати мистера во время болезни заставил его еще сильнее привязаться к этому месту, потому что это была кровать мистера. Но ведь законным хозяином был Арнольд, к тому же сейчас именно он получил ранение и должен как следует отдохнуть. Маленький барашек метался меж двух огней, одновременно верный собственным желаниям и стыдящийся их.

Намерение Арнольда вовсе не заключалось в том, чтобы ставить маленького барашка в неловкое положение, поэтому он быстро избавил его от терзаний.

— Я никуда не уйду.

Обозначив свою позицию, он предоставил Линь Хуайшэну право выбора:

— Если мы ляжем на одну кровать, ты согласен, маленький барашек?

Результат оказался вполне предсказуемым.

На небольшой односпальной кровати легко уместились двое взрослых мужчин, прижавшись друг к другу, и это сближение выглядело совершенно естественным. Сильный мужчина лег с краю, охраняя кольцом защищая маленького барашка, устроившегося у самой стены, и это стало самым сильным успокоительным средством — измотанный Арнольд заснул крепко и безмятежно.

В этой почти отрезанной от мира темнице царила абсолютная тишина, а в густой темноте таился какой-то удушающий ужас.

Неизвестно сколько времени прошло, когда Линь Хуайшэн распахнул свои ясные глаза. Он приподнялся, бросил взгляд на спавшего рядом Арнольда — в его глазах не осталось и следа притворной слепоты или притворной любви. Затем он бесшумно поднялся с постели, приоткрыл дверь и растворился в темной комнате.